

**ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА
О ПЕРСПЕКТИВАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(ПО СТРАНИЦАМ СБОРНИКА «К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС
И РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ»)¹**

Б. Г. ТАРТАКОВСКИЙ

На протяжении нескольких десятилетий основоположники марксизма со все возрастающим вниманием следили за социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в Российской империи. Маркс и Энгельс постоянно интересовались различными сторонами жизни страны, используя разнообразные каналы и источники информации: официальные статистические справочники, работы передовых русских ученых, материалы прессы, произведения русской художественной литературы, переписку с русскими корреспондентами и личные контакты с представителями революционной России. Особое их внимание всегда привлекала самоотверженная борьба русских революционеров с царским самодержавием. Революционное движение в России Маркс и Энгельс рассматривали как часть мирового революционного процесса, как одно из важных звеньев освободительной борьбы международного рабочего класса.

В 40-х годах, когда Маркс и Энгельс начинали свою деятельность, Россия выступала на международной арене прежде всего как реакционная сила. Монархия Николая I, в которой беспощадно подавлялось все прогрессивное, играла тогда роль международного жандарма. К концу жизни Маркса и особенно в последующие годы, до середины 90-х годов, пока был жив Энгельс, внутреннее и внешнее положение империи Романовых претерпело значительные изменения. Природа царского самодержавия не изменилась, но социальные и классовые противоречия внутри страны достигли огромной остроты, а революционное движение получило такой размах, что Маркс и Энгельс считали совершенно реальной перспективу свержения царской власти в ближайший исторический период. Естественно, что за эти десятилетия менялась и оценка Марксом и Энгельсом международной роли России и перспектив ее развития.

Хотя вопрос об отношении Маркса и Энгельса к России давно интересовал марксистских историков, но он до сих пор не нашел в исторической литературе достаточно подробного и детального освещения. Далеко не всегда взгляды основоположников марксизма рассматриваются в развитии и очень редко — в связи со всей их революционной деятельностью. С другой стороны, буржуазные и реформистские историки и публицисты весьма охотно обращаются к этой теме, фальсифицируя подлинные взгляды Маркса и Энгельса, преднамеренно искажая или вырывая из контекста их высказывания. Они пытаются в извращенном виде представить отношение основоположников марксизма к России и русскому народу, используя это в антисоветской пропаганде.

Вряд ли нужно доказывать, какое огромное значение для борьбы с фальсификаторами имеет ознакомление советского читателя с действи-

¹ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», Политиздат, М., 1967, 810 стр., тир. 55 000 экз.

тельными воззрениями Маркса и Энгельса на Россию, на ее народ, на перспективы русской революции. Выпущенный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС документальный сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия» — важный вклад в эту борьбу. Составители сборника ограничили свою задачу публикацией материалов, характеризующих отношение Маркса и Энгельса к революционной России — к перспективам русской революции и возможностям ее воздействия на борьбу западноевропейского пролетариата, к различным направлениям революционного движения в России, к первым шагам сознательной борьбы российского пролетариата, к отдельным революционным деятелям. Эти материалы представлены со всей возможной полнотой, что прежде всего отличает сборник от аналогичных публикаций прежних лет, где помещались лишь избранные документы².

В первом разделе книги помещены произведения Маркса и Энгельса, в которых специально рассматриваются проблемы революционного движения в России, а также отрывки из других их работ и писем, касающиеся тех или иных аспектов этой темы. Расположенные в строго хронологическом порядке, эти материалы отражают развитие взглядов Маркса и Энгельса на борьбу передовых людей России против царского самодержавия, на перспективы и возможности русской революции, на ее роль в мировом революционном процессе. Среди материалов первого раздела читатель не найдет впервые публикуемых документов. Однако до сих пор не существовало столь обстоятельной подборки всех высказываний Маркса и Энгельса о революционной России. Эти материалы органически связаны со следующим (и основным) разделом сборника, куда вошла вся разысканная до сего времени и находящаяся в распоряжении Института переписка Маркса и Энгельса с русскими революционными и общественными деятелями. Эта переписка состоит из 460 писем: 146 писем Маркса и Энгельса, а также 314 писем их корреспондентов, среди которых 99 публикуются впервые. Впервые печатается также письмо Энгельса народнику В. Н. Смирнову. Кроме того, многие из публиковавшихся ранее, особенно в 20—30-е годы, писем Марксу и Энгельсу разбросаны по различным периодическим изданиям и практически были до сего времени доступны лишь узкому кругу исследователей. Вся переписка, помещенная в сборнике в точном соответствии с хронологией, дает полную и наглядную картину взаимоотношений Маркса и Энгельса с несколькими поколениями русских революционеров.

В течение более полувека (включая годы жизни Энгельса после смерти Маркса) основоположники марксизма были в тесном общении с политическими и революционными деятелями России. Перед их глазами за это время прошли три поколения русских революционеров. На заре своей деятельности они поддерживали отношения с некоторыми из тех «далеких от народа» образованных дворян, которые проявляли тогда интерес к социалистическим теориям, оставаясь по существу на позициях либерализма. Со второй половины 60-х годов Маркс и Энгельс были связаны — в том числе и дружескими узами — с передовыми людьми из разночинной интеллигенции, носителями революционно-демократических идей, активными борцами против царского самодержавия. А с начала 80-х годов на первый план в этих отношениях выступили русские марксисты — активные участники и организаторы только еще нарождавшегося рабочего движения.

Интерес Маркса к России вызывался различными причинами, обусловленными особенностями исторической обстановки. В конце 40-х — начале 50-х годов его вызвала внешняя политика царской России, ее действия на международной арене, направленные на подавление

² См., напр., «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1947; изд. 2-е, М., 1952.

революционных и национально-освободительных движений. Энгельс писал впоследствии, что в период революции 1848 г. Россия играла роль «могучей опоры европейской реакции». «С 24 февраля (день начала революции во Франции.— Б. Т.) нам было ясно, что революция имеет только одного действительно страшного врага — Россию» (стр. 91). В те времена среди русских знакомых Маркса и Энгельса преобладали оппозиционно настроенные молодые дворяне — представители русского общества 40-х годов. «В 1843—1844 гг. в Париже,— вспоминал Маркс в 1868 г.,— тамошние русские аристократы носили меня на руках» (стр. 23). В их числе были М. Бакунин, которого Маркс знал с 1843 г., Г. Толстой, П. Анненков, Н. Сазонов и др. Интерес большинства из них к социалистическим идеям, как с горечью замечал Маркс, «не мешает тем же русским, с поступлением на государственную службу, делаться негодяями» (стр. 24). Именно тогда, в начале 50-х годов Энгельс принялся изучать русский язык, чтобы иметь возможность на основе первоисточников узнать «историю, литературу и особенности социальных институтов» славянских народов (стр. 3—4). Однако особое внимание основоположников марксизма к событиям в России было привлечено в конце 50-х годов в связи с возникновением первой революционной ситуации. Уже в 1858 г. Маркс писал о том, что в России «накопился горячий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться» (стр. 7). А Энгельс отмечал тогда оживление политической жизни в России, пробуждение ее от «политической летаргии» (стр. 11). В эти годы Маркс выступил с рядом статей о предстоящей в России крестьянской реформе и в начале 1860 г. назвал движение крепостных одним из величайших событий в мире (стр. 20). Все же тогда Маркса и Энгельса интересовали не столько социально-экономические проблемы России, сколько внешняя политика царизма, в 50-е годы — в связи с Крымской войной, в начале 60-х годов — в связи с подавлением польского восстания. Вопрос об отношении Маркса к польскому национально-освободительному движению имеет самостоятельное значение и не является предметом нашего исследования.

С конца 60-х годов положение изменилось. Экономическое развитие страны после реформы 1861 г. и развитие революционного движения не могли не привлечь внимания Маркса и Энгельса. Выход первого тома «Капитала» вызвал в России огромный интерес, несколько неожиданный для самого автора. И если в первый момент он воспринял намерение издать его книгу в русском переводе как погоню молодых русских аристократов «за самым крайним, что дает Запад» (стр. 23), то уже очень скоро убедился в том, что речь идет о совершенно иных кругах. Переписка с переводчиком «Капитала» на русский язык народником Н. Ф. Даниельсоном, начавшаяся в 1868 г. и продолжавшаяся до смерти Маркса, установление личных связей с русскими революционными эмигрантами в Швейцарии, создавшими в начале 1870 г. русскую секцию Международного Товарищества Рабочих, знакомство с П. Лавровым и Г. Лопатиным — все это окончательно доказало Марксу и Энгельсу, что в развитии революционного движения в России начался совершенно новый этап. «Идейное движение, происходящее сейчас в России,— писал Маркс в январе 1871 г.,— свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение» (стр. 37). А полтора года спустя Энгельс подчеркивал огромную разницу между «ранее приехавшими в Европу русскими дворянами-аристократами... и теми, кто приезжает теперь,— выходцами из народа. Среди последних есть люди, которые по своим дарованиям и характеру безусловно принадлежат к лучшим людям нашей партии» (стр. 40).

В 1870 г. Маркс приступил к изучению русского языка, чтобы детальнее ознакомиться с отношениями земельной собственности в России для дальнейшей работы над «Капиталом», в частности, изучить присланную ему Даниельсоном книгу Флеровского «Положение рабочего класса

в России», а также экономические работы Н. Г. Чернышевского (стр. 25—26, 37). Этим было положено начало систематическим занятиям русской экономикой, которых Маркс, наряду с другими научными проблемами, не бросал до конца своей жизни. Известна высокая оценка, которую Маркс и Энгельс давали произведениям Чернышевского и Добролюбова, «двух социалистических Лессингов» (стр. 48). Публикуемые в сборнике документы (письма Даниельсона, Лаврова и др.) позволяют проследить историю знакомства основоположников марксизма с трудами этих писателей. Огромное впечатление произвела на Маркса книга Флеровского. «После изучения его труда,— писал он Полю и Лауре Лафарг 5 марта 1870 г.,— приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция — разумеется, в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития Московии» (стр. 27).

Исключительно интересную страницу в биографии Маркса представляет его деятельность в качестве секретаря-корреспондента Русской секции в Генеральном Совете Интернационала. Материалы сборника проливают новый свет на борьбу Маркса и Энгельса с анархизмом, с авантюристической, сектантской тактикой Бакунина и его последователей.

Однако полное освещение этой темы не входило в задачу составителей сборника. Ввиду этого мы не рассматриваем здесь весь сложный узел проблем, связанных с деятельностью М. А. Бакунина в русском и международном революционном движении. К комплексу писем и документов, связанных с борьбой против Бакунина и его сторонников в Международном Товариществе Рабочих, относятся и отрывки из соответствующих работ и писем основоположников марксизма друг другу и своим соратникам, а также их переписка с деятелями Русской секции Интернационала и П. Л. Лавровым. Впервые публикуемые письма Н. Утина и П. Лаврова Марксу, Энгельсу и младшей дочери Маркса Элеоноре раскрывают ту роль, которую сыграли деятели Русской секции в борьбе со сторонниками Бакунина, в разоблачении их подрывных действий в Первом Интернационале.

В письме Маркса Полю Лафаргу 19 апреля 1870 г. содержатся убедительные доказательства теоретической несостоятельности анархистского лидера. Маркс подчеркивал здесь важнейший принцип Интернационала: его секции могут придерживаться своих собственных воззрений по вопросам своей деятельности, но при обязательном условии — не выдвигать никаких положений, противоречащих Уставу Товарищества. Весьма актуально звучит также критика Энгельсом взглядов П. Н. Ткачева, утверждавшего, что революцию в России можно вызвать в любой момент (см. стр. 70—71). Энгельс высмеивает здесь наивное представление о том, будто бы «революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар» (стр. 71), и будто бы русское крестьянство обладает врожденным революционным инстинктом.

Дружеские связи Маркса и Энгельса с русскими революционными эмигрантами не ограничивались практической деятельностью в Интернационале. П. Лавров и другие друзья Маркса и Энгельса, как видно из их писем, напечатанных в сборнике, активно сотрудничали с ними в оказании помощи эмигрантам Коммуны. Через своих русских корреспондентов основоположники марксизма получали разнообразные сведения о положении в России, о развитии ее экономики, о состоянии революционного движения. Много важных данных о сельском хозяйстве и промышленности России сообщал Марксу, а после его смерти Энгельсу, Н. Ф. Даниельсон. При его содействии они систематически получали интересующую их русскую литературу. Переписка Маркса и Энгельса с Даниельсоном, впервые публикуемая в сборнике в полном виде и в исправленных переводах, является исключительно ценным источником для изучения их взглядов на экономическое развитие России.

События в России конца 70-х годов увеличили интерес Маркса и Энгельса к революционному движению в России. Уже в 1878 г. Энгельс писал, что положение там чревато «событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы» (стр. 81). А год спустя он вновь повторил, что в России «назревают события решающего значения» (стр. 85). Маркс и Энгельс, которые к тому времени уже в течение более чем десяти лет были близко связаны с русскими революционерами, считали, что в стране зреют объективные предпосылки революционного взрыва. Маркс еще в сентябре 1877 г., в разгар русско-турецкой войны, писал, что Россия «давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели». В этом же письме к Ф. А. Зорге Маркс высказал мысль о том, что «революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции» (стр. 76).

Разумеется, Маркс и Энгельс имели в виду возможность в России демократической, народной революции, направленной против самодержавия. Они не исключали и того, что революция может начаться в виде дворцового переворота, совершенного фрондирующим дворянством, но считали, что и в таком случае она неизбежно приведет в движение огромные массы угнетенного крестьянства (стр. 80). Важнейшим следствием этой крестьянской революции неизбежно было бы, по мнению Маркса и Энгельса, исчезновение реакционной царской России, служившей «становым хребтом объединенного европейского деспотизма» (стр. 84), что оказало бы огромное воздействие на положение в Европе и могло бы послужить «сигналом пролетарской революции на Западе» (стр. 89). Они были уверены также, что свержение самодержавия приведет к огромным изменениям в жизни самого русского народа и будет означать «возникновение настоящего рабочего движения в России» (стр. 84).

Уверенность Маркса и Энгельса в близости демократической революции в России подкреплялась сведениями о деятельности народовольцев. Основоположники марксизма видели в героической борьбе членов «Народной воли» ту силу, которая может дать толчок могучему движению народных масс, либо, в крайнем случае, заставить царские власти идти на уступки. Маркс и Энгельс не одобряли террор как основное средство политической борьбы. Однако в публичных выступлениях они считали своим долгом поддерживать их героическую борьбу. Маркса и Энгельса привлекало в программе народовольцев и то, что она носила ярко выраженный политический характер и, таким образом, противостояла проповедуемому анархистами отказу от участия в политической борьбе. Энгельс подчеркивал, что «способ борьбы русских революционеров продиктован им вынужденными обстоятельствами» (стр. 93) и резко противопоставлял их действия авантюристическим и бессмысленным террористическим актам европейских анархистов. Видимо, с этим связана и отрицательная оценка Марксом «Черного передела», в программе которого он усматривал отказ от «всякой революционно-политической деятельности» (стр. 86). Известную роль в такой оценке играли, вероятно, и личные связи основоположников марксизма именно с такими деятелями, как Г. А. Лопатин, Л. Н. Гартман, П. Л. Лавров, и другими.

Надежды Маркса и Энгельса на то, что революционная ситуация, сложившаяся в России в конце 70-х — начале 80-х годов, приведет к свержению самодержавия, не оправдались. Первое марта 1881 г. не стало сигналом к восстанию против царизма, это событие, которое, как они полагали, «в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может, после длительной и жестокой борьбы к созданию российской Коммуны» (стр. 87), даже не заставило правительство Александра III пойти на какие-либо уступки. В то же время неумолимо продолжавшееся развитие капитализма сопровождалось ростом рабочего класса. На арену рево-

люционной борьбы выступил русский пролетариат. Многие представители русской революционной молодежи начали пересматривать свои взгляды о самобытном развитии России, об особой роли русской крестьянской общины, как ячейки будущего социалистического общества. Всего за два года до смерти Маркс узнал о появлении среди эмигрантов из России небольшой группы молодых революционеров, которые перешли на марксистские позиции, порвав с народническими взглядами. Об этом писала ему в феврале 1881 г. В. Засулич (стр. 435). Годом позже об этом же сообщал Марксу и Лавров, обратившийся к нему с просьбой написать предисловие к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии», который он собирался издать в переводе и с примечаниями «некоего молодого человека (Плеханова), одного из самых ревностных Ваших учеников» (стр. 457). Это предисловие, написанное совместно с Энгельсом, было последним печатным выступлением Маркса, а его письмо Лаврову в связи с этим — последним из числа его писем русским революционерам. Первая русская марксистская организация — группа «Освобождение труда» — была основана через полгода после смерти Маркса.

В ноябре 1883 г. Энгельс получил возможность ознакомиться с первым программным документом группы: В. Засулич прислала ему текст объявления «Об издании библиотеки современного социализма», которое, как она писала, «разъяснит Вам, какие цели ставит перед собой наша группа» (стр. 489).

Установление регулярного общения Энгельса с группой «Освобождение труда» открыло новую страницу во взаимоотношениях основоположников марксизма с русскими революционерами. Старые друзья и корреспонденты Маркса и Энгельса — Лавров, Лопатин и другие, не говоря уже о Даниельсоне, — продолжали считать учение Маркса неприменимым к российской действительности и в той или иной мере сохраняли свои иллюзии относительно возможности развития России по некапиталистическому пути. Материалы сборника показывают, как Энгельс, сохраняя свои связи с революционными эмигрантами-народниками и даже завязывая новые (со Степняком-Кравчинским, например, он познакомился лишь в 1884 г.), продолжая интенсивную переписку с Даниельсоном, постепенно все больше сближался с новым поколением борцов за освобождение трудящихся — с представителями рабочего движения. Сообщение В. Засулич о том, что первые издания «Библиотеки современного социализма» встретили в революционных кругах России прием, который «предвещает нам успех, далеко превосходящий все наши ожидания» (стр. 497), Энгельс получил с огромным удовлетворением (стр. 499). Вскоре после этого, в июне 1884 г. он с большой гордостью писал о том, что среди русских революционеров «наши идеи и экономическая наука, коренным образом переработанная Марксом, всегда встречали понимание и симпатию» (стр. 503).

Дальнейшее ознакомление Энгельса с деятельностью русских марксистов, с их оригинальными произведениями окончательно убедило его в том, что направление, представленное Плехановым и его друзьями, приобретает в России все большее влияние. «Я горжусь тем, — писал он Засулич 23 апреля 1885 г., — что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников» (стр. 513). Узы, соединявшие Энгельса с представителями русских марксистов, становились крепче с каждым годом. Летом 1889 г., после Парижского международного социалистического конгресса, на котором было положено начало Второму Интернационалу, Энгельса посетили Плеханов и Аксельрод. «Я имел удовольствие, — вспоминал впоследствии Плеханов, — в течение целой недели вести с ним продолжи-

тельные разговоры на разные практические и теоретические темы»³. Теперь между Энгельсом и его русскими последователями налачился прочный повседневный контакт. По просьбе руководителей группы «Освобождение труда» Энгельс выступил в первом номере издаваемого ими русского марксистского журнала «Социал-демократ» со статьей «Внешняя политика русского царизма», высоко оцененной современниками. «Я никогда не читал ничего более превосходного на эту тему», — писал ему Степняк-Кравчинский (стр. 569).

Летом 1893 г. Энгельс вновь встретился со своими русскими последователями в Цюрихе, во время очередного международного социалистического конгресса⁴. Эта встреча еще более упрочила его дружеские отношения с ними. Его переписка с Плехановым приобрела теперь регулярный характер. А в течение пребывания последнего в Лондоне в конце 1894 г. их отношения перешли в тесную дружбу. Такие же дружеские отношения, как это явствует из материалов сборника, Энгельс поддерживал и с В. Засулич. К ним обоим Энгельс относился с большой теплотой и заботой.

Публикуемые в сборнике документы раскрывают и практическую деятельность Маркса и Энгельса в распространении марксизма в России. С большим удовлетворением отмечал Маркс незадолго до своей смерти успехи марксистского учения в России. «Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен», — писал он (стр. 90). Переписка Маркса и Энгельса с Даниельсоном и некоторыми другими лицами позволяет детально проследить их участие в русских изданиях «Капитала», заботу о правильном переводе. Многие их письма свидетельствуют о том, как терпеливо и упорно старались Маркс и Энгельс разъяснить основы своих воззрений друзьям из народнического лагеря, убедить их в ошибочности их взглядов. Та критика, которой подвергали Маркс и Энгельс некоторых из них, не препятствовала сохранению хороших отношений с ними. «Я готов пожать ему руку в любой момент», — писал Маркс Лопатину по поводу Лаврова, которого только что серьезно критиковал, — если он отнесется ко всему этому так же легко, как я» (стр. 314). Изданию произведений основоположников марксизма особенно энергично содействовал Энгельс после образования группы «Освобождение труда». Из его переписки с Плехановым и Засулич, а также с Кричевским видно, что он помогал группе выбрать наиболее важные для перевода работы. Высоко оценивая качество переводов, выполненных участниками группы, он передал ей право на издание принадлежащих ему и Марксу произведений и категорически возражал против нарушения этого права (стр. 678—691). Через своих друзей Энгельс знал о подпольных изданиях, выпускавшихся в России, в частности Обществом переводчиков и издателей в Москве (стр. 502—503).

В материалах сборника затрагиваются некоторые важные теоретические вопросы, имеющие и сейчас весьма актуальное значение. Это прежде всего вопрос о возможностях некапиталистического пути развития. В переписке с Даниельсоном и в некоторых других материалах сборника основоположники марксизма не раз высказывали свое отношение к этому вопросу, многие годы волновавшему умы передовых людей русского общества.

Известно, что во всех своих высказываниях о судьбах русской крестьянской общины Маркс и Энгельс всегда подчеркивали, что она только в том случае сможет стать «точкой опоры социального возрождения России» (стр. 444), если в России произойдет демократическая революция, которая, в свою очередь, послужит толчком к социальному перевороту в развитых капиталистических странах Запада. Еще в 1874 г. Энгельс,

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 26.

⁴ См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. 1, М., 1940, стр. 258—259.

полемизируя с Ткачевым и Лавровым, сформулировал точку зрения основоположников марксизма следующим образом. Указывая на факты, свидетельствующие о начавшемся разложении общинной собственности под влиянием развития капиталистических отношений, Энгельс не исключал возможности перехода общинной собственности в более высокую ее форму — к совместной обработке земли, минуя «промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности». «Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия» (стр. 70). Таким образом, принципиально Маркс и Энгельс считали возможным положение, когда победоносная пролетарская революция в основных буржуазных государствах позволит странам, которые не встали или только еще встают на путь капитализма, перейти, опираясь на помощь и поддержку передовых стран, сразу к более высокой фазе общественного развития.

С наибольшей ясностью эта точка зрения была сформулирована в уже упоминавшемся предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», датированном 21 января 1882 г. «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (стр. 89).

Эту же мысль Энгельс развивал и двумя десятилетиями позднее, когда установление капиталистических отношений в России и проникновение капитализма в сельское хозяйство стали бесспорным фактом. Он писал тогда Даниельсону, что если бы рабочий класс Западной Европы смог «свергнуть капиталистический режим еще десять или двадцать лет назад, то тогда Россия, быть может, имела бы еще время остановить тенденцию своей собственной эволюции в направлении к капитализму» (стр. 645). А в другом письме тому же автору он говорил о том, что социализм «не может развиваться непосредственно из земельной общины иначе, как в виде подражания примеру, уже где-либо существующему» (стр. 661).

Действительный ход событий оказался иным. Революционного взрыва в России в начале 80-х годов не произошло. Не разразилась революция и в западноевропейских странах; напротив, капитализм здесь продолжал развиваться. Россия, со своей стороны, быстро становилась капиталистической страной.

В этих условиях нельзя было более рассчитывать на такое развитие, о возможности которого Маркс и Энгельс говорили в начале 80-х годов. Однако необходимо отметить, что гениальное предвидение Маркса и Энгельса о великой роли русской революции в мировом масштабе в конечном счете оправдалось.

Формулируя свое отношение к народническим теориям, Энгельс писал Даниельсону в октябре 1893 г.: «У России не было иного выбора, кроме следующего: либо развить общину в такую форму производства, от которой ее отделял еще ряд промежуточных исторических ступеней и для осуществления которой условия еще не созрели тогда даже на Западе, — задача, очевидно, невозможная, — либо развиваться в направлении капитализма» (стр. 661). В послесловии к брошюре «О социальном вопросе в России» (январь 1894 г.) Энгельс отдавал дань уважения революционным народникам, но категорически высказывался против их иллюзии об особом пути развития России. «Разделять их иллюзии, — писал он, — мы вовсе не обязаны. Время избранных народов миновало безвозвратно» (стр. 122).

Что же касается отношения Энгельса к характеру предстоявшей в России революции — а уверенность в ее наступлении в сравнительно короткий исторический срок он сохранял до последних дней (всего за несколько месяцев до смерти он писал Плеханову: «А уже если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это Николая II» — стр. 720), — то он продолжал считать, что эта революция по своему содержанию может быть только буржуазно-демократической, что она должна будет прежде всего свергнуть гнет самодержавия, создать благоприятные условия для экономического развития, для развертывания рабочего движения и роста классового сознания трудящихся (стр. 124).

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, которое бросается в глаза при изучении материалов сборника. Маркс и Энгельс рассматривали вопрос о перспективах русской революции в тесной связи с задачами международного рабочего движения. Говоря о том, что в России «развязка близка» (стр. 85), они имели в виду, в первую очередь, объективные предпосылки русской революции: остроту экономических и политических противоречий, вызванную особенностями капиталистического развития в условиях сохранения феодальных и полуфеодальных институтов, необычайно тяжелое положение крестьянства, недовольство интеллигенции и других слоев общества (тогда, в конце 70-х — начале 80-х годов они не могли брать в расчет как реальную политическую силу рабочий класс, который еще не выступал сознательно в защиту своих интересов), финансовые затруднения правительства и т. д. Именно в силу этого основоположники марксизма считали возможным взрыв русской революции в ближайшее время. Они полагали, что свержение царизма изменило бы обстановку в Европе и создало бы благоприятные условия для победы пролетарской революции, которая, как они тогда думали, наиболее близка в Германии, стране развитого и организованного рабочего движения. «Падение русского царизма...», — писал Энгельс в мае 1875 г., — является одним из первых условий окончательной победы немецкого пролетариата» (стр. 74). С другой стороны, они, как мы видели, вплоть до начала 80-х годов считали, что победа пролетарской революции на Западе может (разумеется, при условии радикальной перемены политического строя в России) позволить ей перейти к более высокой общественной форме, минуя капиталистическую стадию. Что же касается развития революционного движения в России, то Маркс и Энгельс подчеркивали необходимость «взаимного международного воздействия различных западноевропейских движений на русское и обратно» и неизбежность «слияния русского движения с общеевропейским» (стр. 53).

К началу 90-х годов значительные изменения произошли не только во внутреннем развитии России, но и в международном рабочем движении. В большинстве европейских стран были образованы социалистические партии, программы которых в общем строились на базе научного социализма. Было образовано новое международное объединение пролетарских партий. На первом его конгрессе в 1889 г. в Париже прозвучал голос представителя рабочего движения России. Все это необходимо учитывать при рассмотрении отношения Энгельса в первой половине 90-х годов к перспективам русской революции. Исключительный интерес представляет публикуемый в сборнике отрывок из его письма Бебелю 29 сентября — 1 октября 1891 г., в разгар голода в России. Энгельс рассматривает здесь соотношение классовых сил в Российской империи и дает характеристику различным классам. Энгельс подчеркивал в письме, что крестьянство без руководства со стороны рабочего класса не способно осуществить победоносную революцию: «крестьяне... не пойдут дальше местных восстаний, которые будут бесплодны, пока победоносное восстание в городских центрах не придаст этим восстаниям недостающей спайки и не окажет им поддержки» (стр. 107). Характеризуя молодую русскую буржуазию, Энгельс указывал, что она тесно связана с самодержавным

государством, которому обязана «всем своим существованием». Это «подлая и невежественная, не видящая дальше своего носа буржуазия», которая не только не собирается посягать на царизм, но по существу является его оплотом. Эти высказывания Энгельса показывают, насколько глубоко понимал он внутреннее положение страны, место и роль различных классов в ее жизни. Точка зрения Энгельса прямо ведет к признанию того, что без активного участия пролетариата победа русской буржуазной революции невозможна.

При жизни Энгельса организованное революционное рабочее движение в России делало только первые шаги. Он не располагал тогда сколько-нибудь достаточными данными для того, чтобы прямо выступить с характеристикой предстоящей рабочему классу роли в грядущей революции. Можно со всем основанием предположить, что он не делал этого и по той причине, что считал необходимым сплочение всех революционных сил и направлений для решения главной ближайшей задачи — свержения самодержавия. «И другие социалистические фракции имеют право на определенное уважение», — писал он (стр. 566). Нет сомнения в том, что его симпатии находились на стороне русских марксистов: вспоминая о своих встречах с Энгельсом в октябре 1893 г., один из современников впоследствии писал: «У меня осталось впечатление, что все свои надежды он тогда возлагал на Г. В. Плеханова и его группу»⁵. Это с полной очевидностью вытекает и из публикуемой в сборнике его переписки с Плехановым. Сообщая последнему о неудаче своих попыток разъяснить Даниельсону несостоятельность народнических воззрений, Энгельс писал: «Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, ... которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов» (стр. 723). Энгельс предвидел и возможную эволюцию «друзей народа», часть которых в результате крушения своих надежд может превратиться в приверженцев царизма (стр. 723).

Свои взгляды на экономическое развитие России и перспективы русской революции Энгельс подытожил в январе 1894 г. в уже упоминавшемся послесловии к своей работе «О социальном вопросе в России». Высказанные здесь взгляды полностью подтверждали единство мнений Энгельса и его русских учеников и последователей. Это было его последнее выступление по этому вопросу. На все последующие предложения и просьбы он отвечал отрицательно. После окончания работы над III томом «Капитала» Энгельс предполагал заняться подготовкой собрания сочинений Маркса и своих, написанием биографии Маркса и осуществлением некоторых других литературных замыслов. Возраст и состояние здоровья не позволили ему добавлять к этому новые задачи. «Я не могу, — писал он в декабре 1894 г., — позволить втянуть себя в полемику, происходящую в далекой стране, на языке, на котором я не могу еще читать так легко и свободно, как на лучше известных мне западных языках» (стр. 712—713). А несколькими месяцами позже он повторил ту же мысль в письме Плеханову: «Чтобы ввязаться в эту полемику, мне пришлось бы прочитать всю литературу, а затем следить за ней и отвечать. Тогда это отняло бы все мое время в течение года... А я и так уже завален работой!» (стр. 723).

* * *

Представленные в сборнике материалы впервые показывают в полном объеме связи Маркса и Энгельса с деятелями революционного и общественного движения в России. По сравнению с прежними публикациями читатель встретит здесь много новых имен. Среди них люди, встречавшиеся с Марксом и Энгельсом на самых различных этапах, по самым

⁵ «Летописи марксизма», сб. 5, М., 1928, стр. 77.

разным поводам. Это и близкие к народникам А. Давыдов, С. Серебряков, В. Луцкий, А. Финкенштейн-Литвинов, Н. Васильев, активно сотрудничавший с группой «Освобождение труда» социал-демократ В. Шмуйлов, писатель Н. Д. Боборыкин и другие. Немало в сборнике не публиковавшихся ранее писем народовольца Л. Н. Гартмана, одного из организаторов Русской секции Интернационала Н. И. Утина, П. Л. Лаврова и других близких Марксу и Энгельсу или знакомых им лиц.

Большим подспорьем для читателя являются краткие, но весьма содержательные примечания. Нельзя не отметить и прекрасного оформления книги.

Сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия» является превосходным подарком всем тем, кто интересуется отношением основоположников марксизма к русскому революционному движению. Его содержание блестяще опровергает ложь и клевету фальсификаторов, пытающихся представить Маркса и Энгельса врагами России и ее народа. Основоположники марксизма, как и их современники — передовые люди России, ненавидели Россию официальную, царское самодержавие, разоблачали его реакционную роль, его агрессивную внешнюю политику. Но они, как это явствует из всех материалов сборника, с уважением относились к России революционной, глубоко верили в революционные возможности народов Российской империи.

«Маркс и Энгельс,— писал В. И. Ленин,— были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение»⁶. Всего за несколько месяцев до смерти Энгельс выражал свою уверенность в том, что «самодержавие едва ли переживет последнюю смену монарха»⁷. Действительно, прошло всего десять лет и весь мир был потрясен грандиозным размахом народной революции, развернувшейся в России. Основоположники марксизма не могли, разумеется, предвидеть тех форм, которые примет развитие мирового революционного процесса. Но их убежденность в гигантском всемирно-историческом значении русской революции подтвердилась всем ходом истории.

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 247.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 293.